

ОБЛАКА

17.03.2015

В эфире программа «Облака»...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

В начале 1930-х годов прошлого века, почти одновременно с образованием Мордовской республики, на ее территории в богатых лесом районах были организованы несколько исправительно-трудовых лагерей. Для управления ими был образован Темниковский лагерь - Темлаг, который позднее преобразовался в Дубравлаг. Численность заключенных этого мордовского ГУЛАГа в период с тридцатых по сороковые годы составляла 23 тысячи человек. Вокруг лагерей стали развиваться поселки, которые и сейчас являются градообразующими. Уже сменилось несколько поколений, основной работой и жизнью которых был лагерь.

И до сих пор Мордовия для российского человека ассоциируется, прежде всего, с ГУЛАГом. Концентрация учреждений системы исполнения наказаний в этой республике настолько велика, что для тех, кто там бывал, вся ее территория казалась одной большой тюрьмой. Со своими укоренившимися традициями почти столетней давности.

По рассказам заключенных мордовские этапы «самые тихие» - осужденные боятся туда ехать. В правозащитные организации постоянно поступают сообщения о грубых нарушениях. Представители президентского Совета по правам человека и аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ посетили мордовские колонии после того, как получили многочисленные сообщения о неправомерном, с точки зрения осужденных, применении силы.

У микрофона сотрудник аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Валентин Богдан:

Избиения в ИК-5, в ИК-17, в ИК-18, 12, 10 – во всех колониях. Это и было основанием для посещения вот этих колоний. Опросив 160 человек – это точно... в десяти колониях, мы получили достаточно большую базу. Запросы за подписью Эллы Александровны Памфиловой были отправлены в Росздравнадзор (первое письмо), директору ФСИН, Чайке, генеральному прокурору, и в Следственный комитет Мордовии.

Осужденные, сообщавшие об избиениях либо о других нарушениях прав человека, подвергаются давлению со стороны администрации. Продолжает Валентин Богдан:

Сотрудники ФСИН помещают здоровых людей с туберкулезно больными, открытой формой и там происходят ужасные вещи. Людей просто ставят в такое сложнейшее положение. И именно этим они и бравируют. Сегодня.. мы получаем информацию .. из Мордовии..ФСИН..они ходят с видеокамерой.. ко всем тем лицам, которых я указал, они приходят и говорят: «Так, ну, ты что, хочешь к вичевым заехать? Или жизнь свою сломать?»

У тебя выбор, собственно, небольшой – либо ты сейчас на камеру говоришь, что ты отказываешься, никаких претензий нету, либо мы по любому это тебе устроим». Бить-не бьют, это факт. Но начинают настолько прессовать как бы морально... Раз придут, два, потом говорят, ну, ты запомни, что тебе еще много сидеть. Все будет у тебя так как и было. У тебя было 10 месяцев ПКТ, будет еще больше. Что ты выбираешь?

Даже самые стойкие из тех, кто многие годы пытался отстаивать свои права, ломаются, когда к такому давлению подключаются и так называемые криминальные авторитеты. Сами осужденные рассказывают правозащитникам, как происходит такое давление, и признаются, что они вынуждены в таких случаях отказаться от своих предыдущих жалоб. Рассказывает председатель общественной наблюдательной комиссии Удмуртской республики Лариса ФЕфилова:

К нам ходят с видеокамерами и разработанными бланками, где указано, что все какие я жалобы там писал приезжавшим комиссиям... что я от них отказываюсь, и что они не имеют под собой никакой почвы. И опять говорилось о том, что это не только давление со стороны сотрудников администрации, но опять вышестоящих криминальных авторитетов. на более глобальном уровне я с этой ситуацией также сталкивалась у нас в Удмуртии – там смотрящий запрещал жалобы писать на медицинских работников, отказаться от нас, правозащитников, но в принципе эта проблема существует, я думаю, во всех регионах.

***

Помимо практики применения психологического насилия, которая была отмечена участниками правозащитной комиссии, проверявшей исправительные учреждения Мордовии, остаются нерешенным и другие проблемы, связанные с условиями жизни и обращением с заключенными.

Жалобы, получаемые от осужденных, говорят о том, что в мордовских колониях годами не решаются вопросы обеспечения прав осужденных-инвалидов. Комиссия встречала осужденных, которые передвигаются на костылях уже в течение трех-четырёх лет, но при этом инвалидность им не установлена.

Комиссия не увидела со стороны администраций попытки предложить конструктивные решения проблем, уже ставших хроническими, возникающих в процессе трудоустройства осужденных. Рассказывает член Совета при президенте по правам человека Андрей Бабушкин:

Мы встретились с несколькими сотнями людей. Что мы выявили? Первое. В Мордовии продолжается использование рабского труда осужденных. То есть, мы видим, что под разговоры, что якобы обеспечена 40-часовая рабочая неделя, в той колонии, по которой шли наибольшие дискуссии-волнения насчет переработок – это женская вторая колония – там эти переработки продолжались. и никакого воздействия приезд правозащитников на них не произвел. Единственное, они начали более тонко маскировать вот этот самый вывод на производство.

Делегацию поразили условия содержания в штрафных изоляторах некоторых колоний – по мнению правозащитников, они не приспособлены для нахождения там людей даже на короткое время. Продолжает Андрей Бабушкин:

Ситуация не всюду одинакова – есть колонии, где практика помещения в запираемые помещения не очень жесткая: ну, например, в колонии 1000 человек, в запираемых помещениях находится там 15 человек. Но колонии, там где мы были, там какие-то огромные количества людей, особенно, в 11-й колонии, где там чуть ли не под 70 человек было в ШИЗО/ПКТ. Причем условия были бесчеловечными – ну, это, наверное, условия середины 90-х годов. Находиться в этих условиях человеку нельзя не только там три месяца – сутки нельзя находиться. Они нам поклялись, что начнут ремонт.

После посещения комиссии пока удалось остановить избиения заключенных – на конец февраля сообщения об избиениях из Мордовии не поступали. Однако другие жесткие меры воздействия по-прежнему применяются.

Незаконное помещение в ШИЗО/ПКТ по надуманным основаниям, несколько людей там совершили акты членовредительства после этого. В колонии номер 12 существует так называемый «крикушник», это обысковая комната, куда набивают до 20 человек. Там висит дверь и когда приезжает комиссия, дверь снимают, когда комиссия уезжает, дверь естественно снова одевают.

***

Правозащитники, посетившие мордовские лагеря, отметили также резкое ухудшение положения с медицинским обслуживанием. Если полгода назад жалоб на тюремную медицину было примерно столько же, сколько в среднем по России, то сейчас их количество заметно возросло. Причем не только от заключенных, но и от администраций колоний. Продолжает член президентского Совета по правам человека Андрей Бабушкин:

Самое интересное, что жалобы предъявляют нам начальники колоний – в частности, начальник пятой колоний жаловался на то, что они 8 человек пытались поместить в больницу и больница отказалась принять этих людей. И попросили нас о помощи. Или жаловались мне в других колониях, что больница Гааза не принимает их людей по непонятным надуманным основаниям.

Исправительные учреждения Мордовии, по мнению правозащитников, имеют целый комплекс проблем, которые не могут быть преодолены без каких-то кардинальных решений. Здесь необходим опыт укрепления прав человека. Возможно, основная трудность состоит в чрезмерной концентрации в республике сотрудников правоохранительных органов разных поколений. В результате их профессиональная этика носит черты прошлой эпохи, а профессиональное поведение обусловлено многослойными родственными связями и фактором принадлежности к одному и тому же территориальному образованию. У микрофона Андрей Бабушкин:

Там такая ситуация: там всего один следователь следственного комитета сидит на всех этих жалобах. Он дает поручения оперативнику. Он сам не выходит в колонию. Осужденный, который пишет жалобу, он не видит этого человека. Свидетель не видит следователя. Приходят оперативники. В лучшем случае, это оперативники из Управления. В худшем случае это друзья того оперативника, на которого они жалуются. Берут объяснения. Искажают их. ... Иногда это делает УСБ. Это люди, живущие все в одном селе. Они все вместе учились, они все вместе женились, они все родственники. Может быть там какой-то особо ретивый, добросовестный оперативник, я не знаю. Но обычная практика такая – что из этой же колонии берут оперативники объяснения, отправляют туда

наверх. И те уже просто оформляют тексты, которые им оперативники на флешке привозят.

Такая ситуация, конечно, не может устраивать ни государство, ни общество. И, конечно, она существует в остром виде не только в Мордовии. Правозащитники сейчас пытаются найти решение хотя бы для одного из регионов, возможно, самого яркого и самого неблагополучного в этом отношении. Может быть, кардинального решения и не существует. Но очевидно, что, прежде всего, надо, чтобы об этом стали говорить не только правозащитники. Без осознания и признания всего этого комплекса проблем, которыми страдает наша пенитенциарная система, самими сотрудниками системы, и, главное, руководством Федеральной службы исполнения наказаний, дальнейшее продвижение по пути к прозрачности ведомства и его реформированию вряд ли возможно. А пока президентский Совет по правам человека и аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации предполагают взять мордовские лагеря под постоянный контроль, регулярно посещать учреждения в этом регионе и проводить тщательные проверки.

Вы слушали программу Облака. Всем привет.